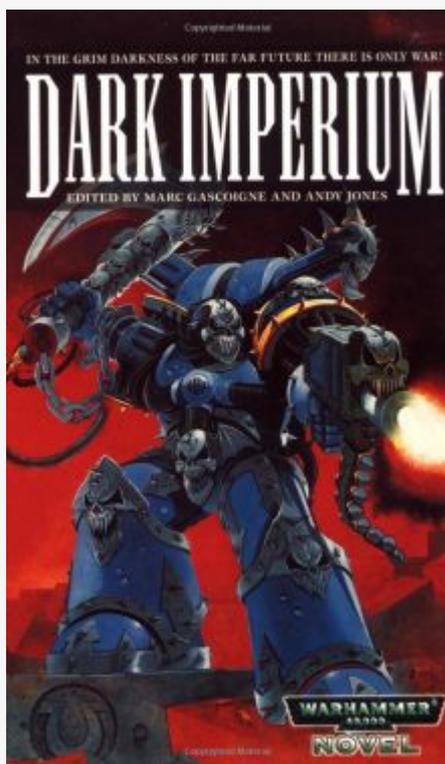

Мелкие шестеренки / Small Cogs (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Мелкие шестеренки / Small Cogs
(рассказ)

Автор	Нил Рутледж / Neil Rutledge
Переводчик	Surt
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Темный Империиум / Dark Imperium
Год издания	2001
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Полковник Сот верил в порядок, подготовку и внимание к деталям. Но когда он стоял перед сияющими серебряными воротами храма Воды, он чувствовал себя вовсе не готовым к предстоящей битве. Да, его лицо всегда было вытянутым, его плоть обвивала кости, тело состояло словно все из сухожилий и мышц;

на его скелете не было места для лишнего, как и для роскоши в его аскетичной жизни. А его глаза бегали по скалистой чаше, в которой стоял храм, но это тоже было в порядке вещей.

Полковник, несгибаемый и сдержанный, не показывал открыто своих чувств и только те, кто хорошо его знал, могли прочесть слабейшие знаки беспокойства. Он иногда хрустел жесткими пальцами. Тонкие губы были сжаты еще сильнее и иногда слышался тихий вдох сквозь зубы, когда он затягивал парадную форму.

Парадную форму! Это была одна из причин для беспокойства. Возможно, это было и к лучшему, что его полк выполнял долг церемониальной стражи храма Воды на Ульбаране VIII, когда налетели адские эльдар. По крайней мере, у них была возможность быстро развернуться, чтобы закрепиться на территории. Но воевать в парадной форме, этих пышных одеяниях прошлого века; неуклюжие старомодные сапоги, традиционные белые одежды из фибры, натирающие шею и запястья, и сверкающие, любовно отполированные нагрудники, это все ерунда! Ни шлемов, ни нормальной ткани. Слава Императору, что они всегда были на параде вооружены и при полном комплекте тяжелого вооружения! Но то, что полковник хрустел пальцами, было еще одним знаком его беспокойства о недостатке снарядов. Он верил, что штаб пришлет подкрепления, как только сможет — а пока им придется обходиться тем, что есть. Противник тоже его беспокоил, таинственные эльдар! Что они тут делают, на сельском мире Луксорис Бета? Полковник Сот был опытным и прекрасно обученным офицером, но кроме орков-пиратов, которых его люди победили, чтобы освободить эту планету два года назад, с чужаками ему встречаться не доводилось. Как и его людям, впрочем. У них были руководства, тренировки и голо-упражнения, но это было не по-настоящему. Даже предположительно предсказуемые орки постоянно подкидывали чертовы сюрпризы в бою. Что же могли сделать нечеловечески мудрые эльдар?

Рутинные тренировки и опыт творили уверенных воинов. Долгое время эта была одно из основных правил полковника Сота. Но у них не было опыта сражения с этим врагом. Недостаток практики и опыта означал неуверенность — а неуверенность означала страх.

Сот припомнил нервный взгляд молодого гвардейца и его озабоченный вопрос: «Сэр, они действительно свежуют своих пленных заживо?».

Внешне спокойный, что совсем не соответствовало его внутреннему настрою, полковник переубедил гвардейца. Он объяснил, что такое варварство этими эльдар не применяется, и, вдобавок, если гвардейцы будут следовать командам и метко стрелять, какой чужак их схватит?. Полковник Сот был почти уверен в своем совете. Из обрывков информации он понял, что это были не темные эльдар, ужасные пираты-предатели, но в чем разница-то? Все они чужаки, враги человечества.

Он мысленно отчитал себя за такие бесполезные размышления и собирался уже вернуться на командный пункт, когда тихие шаги за спиной заставили его остановиться и повернуться. То был храмовый священник, Ярендар. Это был высокий человек и в полном церемониальном костюме он выглядел поразительно. Даже в тени храмового портика его килт блестел, а изукрашенный золотой нагрудник с рубинами, образующими символ Экклезиархии ярко сверкал, лоя отраженный от огромных врат свет. Когда Сот посмотрел на лицо священника, его поразило то же самое. У того была мощная челюсть и выступающий нос, и, хотя он смотрел спокойно, было чувство скрытой в нем силы и уверенности.

«Больше, чем духовной силы» — подумал полковник, заметив, как ниспадала тяжелая накидка из золотистой и красной кожи с могучих плеч, похожих больше на плечи рабочего или воина, чем на плечи

священника.

— Свет Императора да озарит Вас, — официально поприветствовал его священник. Поклонение Богу-Императору здесь, на Луксорисе, приобрело свои уникальные атрибуты за восемнадцать веков со своего насаждения, но жители планеты все равно были преданными слугами.

— И Вас, — ответил Сот.

— Все ли готово к обороне, полковник? Могу ли я или слуги мои помочь Вам еще чем-нибудь?» — голос священника был спокоен, с одобрением отметил Сот. Он сохранил смелость даже пред лицом чужацкого нападения.

— Мы настолько готовы, насколько можем быть» — полковник помахал позолоченным церемониальным жезлом около своих сверкающих парадных сапог. «Но мы, вообще говоря, одеты не очень-то подходяще для боя». Полковник снова вздохнул.

— Кто может познать волю Императора в полной мере?» — спросил Ярендар. — Если бы не парад, вас бы здесь не было, чтобы защитить нас. Как Вы сами сказали, если проклятые эльдар поймут, что системы управления ирригацией находятся здесь, и они могут затопить уровни, чтобы воспрепятствовать подходу подкреплений, они несомненно попытаются захватить храм.

— Это вовсе не обычный способ обороны» — сказал Сот больше для себя. — Мы не должным образом одеты и вооружены.

— Должным образом одеты? — священник разгладил килт. — Эти одеяния возвращают нас в темные времена нашего рабства под пятой орков, прежде чем Император собрал нас вновь за пазухой Своей, вечная слава Ему. И даже в те ужасные времена кое-кто сопротивлялся».

— И, — добавил он, указывая на рубины на нагруднике, — эти одеяния ныне отмечены символами вековечности Императора. Даже разрозненные, мы не были забыты. Зачем здесь этот храм, полковник Сот? Чтобы возблагодарить Императора за благословение Его, давая нам способ управлять непостоянными дождями на этой суровой земле, чтобы могли мы предложить Ему ее богатство. В близкой перспективе, мы видим трудности. Но в дальней — Император заботится о детях Своих.

Сот был раздражен — и более обеспокоен тем, что не может управлять своим раздражением в присутствии этого спокойного священника.

— Но как, желчно спросил он, — может командир осуществлять надлежащий контроль даже без нормальных систем связи?. — Он показал на маломощный запястный передатчик, чтобы усилить эффект фразы.

Священник показал на своего слугу, молодого послушника, стоящего у одной из колонн портика.

— Ригет, мой слуга, понимает. Он знает, что он лишь послушник, слуга, мелкая частичка божественного плана Императора. Мы, священники во главе храмов, или полковники во главе полков, склонны забывать, что мы лишь жалкие слуги, мелкие детальки великого Императорского целого. Позвольте ли Вы своим людям вопрошать....

Внезапный пронзительный вой и вспышки лазеров с огромного кряжа над ними прервали проповедь священника.

— Эльдар! — выплюнул Сот. — Началось! В укрытие. Мне нужно добраться до командного пункта!.

Оставив священника, он начал взбираться по склону, на скалистом крае которого расположил штаб.

Участок кряжа, окружавший впадину, в которой стоял храм, был не самым крутым. Чтобы обеспечить себе укрытие, Сот держался в стороне от дороги, но окружающая земля была неровной. Ему пришлось сосредоточиться на перемещении и, пока он бежал, он смел лишь изредка оглядываться, иногда лоя краем глаза вспышки красного света за краем гребня; их отмечали облачка пыли. Ужасный скрежет снарядов, ricoшетающих от гальки, был слышен даже сквозь визг двигателей. Он отметил, что это были пресловутые эльдарские гравициклы, первая волна атаки, призванная испытать его оборону и заставить его людей спрятаться.

Он помедлил прямо перед краем огромного кряжа, взбираясь по гальке. Обвалившиеся камни на кряже представляли собой отличное укрытие, и он мог разглядеть яркие вспышки кинжального огня лазружей, что означало, что его бойцы организовали подобие обороны. Молясь, чтобы эльдар не попытались глушить сигналы, чего его передатчик бы не выдержал, он рывкнул в запястный передатчик:

— Сот капитану Годдишу.

— Годдиш на связи, сэр. — Голос капитана был бодрым даже по вокс-связи.

— Смените построение, чтобы поменьше стрелять из лазружей по гравициклам. У нас батарей слишком мало, чтобы их расходовать.

Полковник продолжал восхождение, стиснув зубы. Он слышал, как Годдиш приказывает по вокс-связи: «Годдиш всем отрядам: прекратить лазружейный огонь по гравициклам. Не тратьте энергию на этих молниеносных призраков. Поберегите на пехоту».

Гравициклы продолжали боевые заходы, и Соту пришлось броситься за камень, когда один из них полетел прямо на него, его снаряды кричали неземной боевой клич, раскалывая камни вокруг него. На мгновение он увидел блеск чужацкого шлема, когда машина пролетала над ним. Этот бой сильно отличался от боев с орками. Даже звуки были другими.

Теперь, когда он добрался до вершины кряжа, вражеский огонь стал более интенсивен — однако у эльдар не все шло точно по плану. Когда над широкой впадиной пролетал один из крупных гравициклов, вспышка и облако дыма дали понять, что гвардейцы, расположенные на изукрашенной крыше древнего храма, выпустили ракету. Эльдарская машина резко рванулась и нырнула к дальнему краю скалистой впадины, но Сот видел, как ракета, захватившая цель, взорвалась недалеко от гребня кряжа. Пылающие обломки падали завораживающе медленно и только усилием воли Сот ухитрился оторвать от них взгляд и рвануть к вершине.

Посередине серии вспышек от какого-то невиданного вражеского тяжелого орудия, установленного внизу склона, полковник нырнул в свой спешно обустроенный командный пункт. Там, среди чуть лучшего укрытия — в спешке наваленных камней и выбитых углублений (никак на такой территории не вырыть окопов по учебнику!), полковник Сот быстро подготовился к обороне. Он раздал приказы своим бойцам и они образовали крепкий оборонный периметр, прикрывая храмовую низину и окружающую местность. Если бы не недостаток надлежащего снаряжения и неизвестная природа противника, он был бы так уверен, как только может быть уверен имперский офицер.

Заползши в тень большого камня песочного цвета, он быстро совещался с Годдишем и другими офицерами, пока связист — невысокий ветеран множества противопиратских операций на Ульбаране

VIII — спокойно передавал им донесения от других отрядов со скоростью, позволяемой их плохоньким оборудованием.

— Не думаю, что они нас на полную морщат, сэр, — говорил Годдиш, когда смертельный вой, сопровождаемый бурей шрапнели и кусков камня заставил всех пригнуться еще ниже. Годдиш ухмыльнулся, когда шум затих, похлопывая по дыре в мятом рукаве форменной куртке. Его круглое лицо напоминало Соту лицо мальчишки, а тонкие усики только усиливали впечатление, что юнец хочет быть похожим на взрослого. Впрочем, у него был живой ум и он спокойно продолжал.

— Основного удара еще не было. Это только проверка. Тут не особо много врагов и у них не особенно тяжелая броня или вооружение. Лучшее, что нам удалось выцепить из информации генштаба, так это то, что штурм больше похож на набег, чем на вторжение. Полагаю, наш противник — силы, отделившиеся от основных, чтобы попытаться затопить уровни, чтобы наши танки не вступили в бой. Думаю, они будут давить на весь периметр с воздуха, но на земле соберутся единым кулаком и попытаются прорвать нашу оборону в одной точке.

— Может, тут? — вслух подумал Сот. — У нас тут широкий обзор, зато это самый легкий для прорыва участок кряжа.

— Да, сэр — согласился капитан.

Как по команде, ближайший боец заорал: «Противник приближается, сэр!».

Сот осторожно прополз вперед. Отрог, на котором он расположил командный пункт, окружали склоны кряжа, и гвардеец, выкрикнувший предупреждение, спускался с левого склона. Он был бледным юнцом, костяшки его пальцев побелели, так сильно он сжимал свою мельту. Его кепка, натянутая на уши, являла собой жалкое зрелище — видимо, он пытался приглушить жуткий вой гравициклов.

— Сэр... — он нервно посмотрел на полковника.

— Да, гвардеец?.

— Они же не призраки в самом деле, так ведь, сэр?.

Сот был озадачен.

— Объяснись.

— Летающие эльдар, сэр. Они же не... призраки, так?.

Внезапно Сот вспомнил приказ Годдиша не тратить заряды на летающие машины. Он посмотрел в глаза молодому гвардейцу.

— Нет, это не призраки. Капитан Годдиш просто употребил метафору. Ты что, не видел, как одного из них сбили? И, гвардеец....

— Да, сэр.

— Кепку нормально надень!.

— Есть, сэр! — юноша слабо улыбнулся, выполняя приказ полковника.

Сот осмотрел территорию со склона. У него даже бинокля не было, но Годдиш передал ему лазружье с

прицелом, так что он мог успешнее искать противника. Склон состоял из массы упавших камней со вкраплениями колючего кустарника. Он обеспечивал неплохую маскировку для них, но так же давал противнику возможность осторожно продвигаться. Сот заставил себя сосредоточиться, осматривая растущую баррикаду на их участке кряжа. Противник наступал! Над головой гравициклы усилили напор. Полковник сомневался, что они наносили большой урон, зато они не давали гвардейцам стрелять по приближающемуся противнику.

— Передай приказ не стрелять, пока не подойдут поближе, — приказал он Годдишу, не отрывая глаза от прицела. — Тяжелому вооружению стрелять только по бронетехнике или войскам поддержки!.

Он улавливал отдельные передвижения, но ни одной четкой цели. Внезапно из-за спутанного клубка колючих растений появилось что-то вроде дредноута или еще какой боевой машины. Раздался трещащий свист выстрела из лазпушки слева, а затем короткая барабанная дробь тяжелого болтера, но машина с пугающей скоростью проскочила открытый участок и, с грацией больше живого существа, нежели механизма, спряталась в овраге, выйдя из сектора обстрела.

Полковник услышал брань молодого гвардейца за спиной. По правде говоря, Сот мало чего помнил о таких машинах, но он четко и громко сказал солдату: «Эльдарский дредноут. Быстрый, но хреново бронированный. Точно пострадает, если подойдет поближе».

Внизу зашевелились активнее и эльдарская пехота открыла огонь. Воздух наполнился свистом их странных снарядов и резкими щелчками, с которыми они отскакивали от камней. Когда они подошли ближе, плотность огня возросла и гвардейцы начали стрелять в ответ. Сот одобрительно кивнул, оценив четкость и аккуратность ответного огня. Продвижение эльдар замедлилось, однако теперь, под прикрытием пехоты и продолжающихся налетов гравициклов, показалась новая угроза. В нескольких местах среди кустов и каменных выступов установили турели и на гвардейцев обрушился более сильный огонь. Началась смертельная схватка между хорошо укрытыми пушками обороняющихся и плавнодвигающимися гравитанками эльдар — а чужацкая пехота неуклонно приближалась.

Гвардейцы несли потери, но постоянные тренировки, на которых вечно настаивал полковник Сот, принесли свои плоды. Один гравитанк взорвался и поджег кусты, в которых был неудачно спрятан. Над полем боя поднялся дым, и из своего укрытия вылезла странная дредноутоподобная машина — только чтобы рой снарядов из тяжелого болтера оторвал ей одну из ног и опрокинул обратно в овраг.

Противник, впрочем, продолжал продвигаться, и внезапно началась буря рока. Гравициклы отступили, но остатки чужаков наступали, стреляя из своего непонятного оружия. Гвардейцы обрушили на них всю огневую мощь, но чужацкий прилив продолжался. Слева взорвался еще один гравитанк, почти прямо перед ними, другой же неся вперед, стреляя из орудий, обогнав пехоту.

— Во имя Императора: где хренова лазпушка? — орал Годдиш. Танк приближался, направляясь к гребню, чужацкие воины в красной броне бежали за ним.

Сот вырвал мельту из рук молодого гвардейца за ним.

— Прикройте! — закричал он и побежал по склону. Он слышал крики позади и эхо лазружейного огня среди скал, но резкий свист эльдарских снарядов вокруг него требовал всего его внимания, пока он бежал, отчаянно пытаясь перехватить гравитанк и приблизиться на расстояние выстрела. Он почти прибежал, когда что-то врезалось в его ногу и он упал, покотившись по склону. Превозмогая боль, он приподнялся, лежа в колючем кустарнике и устался на красную стену пролетающего гравитанка. Слишком оглушенный, чтобы даже нормально прицелиться, он поднял мельту и выстрелил. Раздался

резкий свист и затем взрыв сорвал бронепластины с тыловой части чужацкой техники.

Сот видел приближающихся эльдар и попытался высвободиться из кустов, чтобы поднять мельту. Чужак вскинул свое длинное странное оружие, его высокий насекомовидный шлем был безликой маской злобы. Но прежде чем он выстрелил, его грудь вспыхнула и он упал.

Из-за спины Сота велся плотный огонь, гвардейцы контратаковали. Руку полковника схватил молодой гвардеец, чье оружие он позаимствовал. Юнец кричал и махал лазпистолетом, помогая Соту выбраться из куста: «Вы попали, сэр! Вы угробили танк».

Но он ничего больше не успел сказать — на них кинулись двое красных чужаков. Сот упал на колени, когда выстрел выбил мельту у него из рук. Его молодой товарищ умудрился снять одного эльдар из пистолета, а другого прирезал штыком огромный сержант с лысой и покрытой шрамами головой, почти столь же нечеловеческой, как и шлемы чужаков.

Стрельба и грохот битвы продолжались, но уже затухали и переместились ниже по склону. Противника отбрасывали. Сот, которому рьяно помогал молодой гвардеец, укрылся за острым выступом и осмотрел свою раненую ногу. На его уже не таких и чистых штанах было немало крови, но ему повезло и рана была всего лишь длинным надрезом по икре. При отсутствии бинтов и аптечки ему пришлось делать импровизированную перевязку из ткани, оторванной от рубашки. При всем при этом, ему удалось остановить кровотечение и вновь подготовиться к битве. Визг и свист оружия эльдарской пехоты теперь был еле слышен, но воздух снова был полон ужасного воя гравициклов, заходящих на очередной круг.

— Назад на командный пункт! — приказал Сот своим людям. — И пригнитесь.

До укрытия было недалеко, но бросок до импровизированного штаба был очень напряженным. Капитан Годдиш слишком хорошо знал своего командира, чтобы тратить время на поздравление его с уничтожением гравитанка. Он едва улыбнулся своей мальчишеской ухмылкой и, после простого «Хорошо, что Вы вернулись, сэр», быстро проинформировал полковника о ситуации. У них были потери, снарядов еще было достаточно, на настоящий момент, но эльдар, скорее всего, просто отложили штурм. Если они хотели замедлить имперское продвижение и получить выгоду от затопления уровней, их враги должны были действовать стремительно.

Солнце садилось, и скалы с кустарником уже отбрасывали длинные ломаные тени. Слабый свет придавал удивительную теплоту красным, песочно-желтым и охряным цветам искаленной местности. То была суровая земля, но под этим светом она приобрела ту нежную красоту, что поразила даже прагматичного Сота.

Но времени на размышления над ней не было. Глубокое синее вечернее небо внезапно снова заполнилось красными гравициклами и у полковника были еще секунды беспокойства, когда он инспектировал позиции перед второй волной чужацкой атаки. Больше всего его волновало расположение лазпушки, которая молчала. Он боялся, что команда погибла, но наконец, после ползания по кустам и пробирания между скал, он достиг их позиции и нашел людей в живых.

Приземистый капрал, покрытый потом и пылью, яростно копался в монтажной арматуре орудия. Его товарищ, с рукавами и мундиром, заляпанными маслом, рассматривал достанные детали.

— Слава Трону, нашел! — закричал он, гордое лицо его было воплощением облегчения. Вздыхая и вытирая пот с лица, он преуспел только в замазывании его маслом: с горящими от возбуждения глазами,

он представлял из себя скорее древнего варвара, нежели современного гвардейца. Оба гвардейца одновременно заметили Сота и одновременно же встали и отдали ему честь.

— Вольно! — резко приказал Сот, махнув им, чтобы не дергались. — Что нашел, боец?

— Гравий, сэр! — ответил заляпанный маслом стрелок. — Мешал вертикальной шестеренке.

— Как гравий попал в механизм? — многозначительным голосом произнес полковник.

— Не знаю, сэр. Должно быть, когда мы устанавливали орудие, — в голосе стрелка слышалось волнение. Сот был строгим офицером, а невозможность для лазпушки отследить гравитанк ставила под угрозу как их позиции, так и жизнь полковника.

Повисла тишина, перед тем как Сот спросил: «Халатность, стрелок?».

— Да, сэр! — теперь говорил капрал. Он все еще стоял на коленях, но привлекал внимание. С застывшим взглядом, сильной выдающейся вперед челюстью, заварзанной в смазке и с темными волосами, отбеленными пылью, он представлял собой странное зрелище. Он быстро продолжил:

— Должно быть я поспешил, устанавливая пушку, сэр.

Полковник недовольно вздохнул. Все не в порядке!

— Тут трудные условия, капрал, но это делает внимание к деталям еще более важным. Часто мельчайшие шестеренки важнее всего. Аккуратность, внимание, методичность столь же необходимы для гвардейца Императора, как умение метко стрелять!.

Тень усмешки промелькнула на лице другого стрелка. Сот набросился на него:

— Да, солдат?

Человек немедленно застыл.

— Простите, сэр! Просто подумал, что сейчас мы не слишком-то... аккуратны, сэр.

Сот похрустел пальцами.

— Так и есть, солдат — но мы все еще можем обслуживать наши орудия, даже если форма страдает. Передислоцируйте пушку и покажите мне отдачу от своих тренировок!.

— Есть, сэр! — хором ответили оба и Сот продолжил свой путь.

Когда полковник возвращался на командный пункт, налеты гравициклов снова ослабли и нарастающий гром лазружейного огня с гребня возвестил начало чужацкой атаки. Сот забрался повыше, чтобы попробовать найти тропу, по которой будет двигаться быстрее. Теперь, когда воздушные атаки переместились на другие участки кряжа, он мог не беспокоиться об укрытиях и бежать прямо. Идти было все еще тяжело и боль от раны заставила его вздрогнуть, когда он забирался на скалу. Однако, впереди был более ровный участок и он собирался пробежать его. Стоя на краю скалы, он машинально оправил форму, закрепив бронзовый нагрудник на груди. Ненужное привычное движение — спасшее полковнику жизнь. Когда он поправил бронзовую пластину, что-то врезалось в нее с резким свистом. Скорее рефлекс, а не удар отбросил Сота под укрытие скалы.

Снайпер! Он напряженно думал, инстинктивно меняя позицию, ползая и перебегая вниз по скалистому склону. Как чужацкий снайпер пробрался к ним в тыл?

Когда Сот пробрался к торчащему колючему кустарнику, дававшему возможность аккуратной разведки, он рассмотрел маленькую проплавленную дыру в нагруднике. Он не сомневался, что пробил дыру смертельный отравленный дротик. Когда началась атака, он хотел выкинуть нагрудник, но чувство меры и аккуратность остановили его. В конце концов, это была часть экипировки. Благословен будь Император за его дотошность!

Все это пронеслось в голове Сота, когда, с величайшей осторожностью, с готовым лазпистолетом в руке, он продвигался к кустарнику. Обзор был неважным, но у него был весьма неплохой вид на склон впереди. Наиболее вероятным местом дислокации чужака был кустарник чуть впереди и выше по склону. Участок был открыт, как он ранее заметил. Его противнику трудно будет пробраться незамеченным, но как насчет этих хамелеолиновых плащей, о которых им говорили на давней-предавней тренировке? Пока он размышлял, выискивая расположение чужака, резкое движение привлекло его внимание, быстрая красная вспышка за скалой. Зрение Сота, давно привыкшее к засушливым землям и закаленной ими жизни на его родине, мгновенно опознало ее как одну из больших ящерок-бегунов, живших среди здешних скал.

Просто ящерка... но кто ее спугнул?

Он внимательно осмотрел участок впереди, где двигалось животное. Каждая скала и пучок высохшей растительности были обследованы. Каждая тень была под подозрением.

Есть! Только долгие тренировки и привычная дисциплина Сота не позволили вздоху восхищения сорваться со сжатых губ. Его пальцы невольно сжались на лазпистолете. Словно шевельнулась скала! Теперь, когда он заметил чужака, было легче спрогнозировать его передвижение. Его маскировка была воистину невероятна, делая его почти невидимым, когда, согнувшись почти вдвое, он пробирался среди скал.

«Они и вправду призраки, сэр?» — слова молодого гвардейца всплыли в голове. Легко в это поверить!

Продвигаясь через открытую местность, чужак вероятно думал, что он мертв, но все равно двигался очень осторожно. Он был слишком далеко, чтобы Сот мог рискнуть и выстрелить из пистолета. Ему нужно было подобраться поближе. Один вооруженный пистолетом гвардейский полковник в рваной форме против почти невидимого, вооруженного игольной винтовкой и, вероятно, носящего броню чужака? Он бы за свою жизнь гроша ломаного не дал!

Его лучшая возможность — проползти среди скал вверх по склону и молиться, что он заметит передвигающегося среди больших скал эльдар. Он не отрывал взгляда от призрачного перемещения чужака, но сейчас ему пришлось это сделать. Он проложил линию передвижения снайпера так точно, как только мог, и скатился под скалу. Он чувствовал, что его ладонь, держащая лазпистолет, вспотела, а сердце колотилось об ребра, когда он двигался, рассчитывая каждый шаг, к небольшому завалу.

Продвижение было смертельно медленным, но наконец он достиг места и рискнул обернуться. Повернув кепку набок и задерживая дыхание, он осмотрел скалы. Дротик не впился в него, но и он не мог заметить чужака. В животе образовался узел, когда раздался резкий треск и послышался голос.

— Годдиш полковнику Соту! — протрещал его передатчик.

Впереди в скалах что-то было не так, словно колыхнулось марево. Сот машинально выстрелил.

— Годдиш полковнику Соту. Вы в порядке, сэр? Годдиш полковнику Соту.

Полковник, дрожа, поднял руку с передатчиком.

— Говорит Сот. Все в порядке, капитан.

— Мы сдерживаем противника, сэр, но патроны на исходе.

— Скоро буду, капитан. Берегитесь снайперов и убедитесь, что люди предупреждены. Только что пристрелил чужацкого разведчика. Сот, конец связи.

Полковник скорее слышал, чем видел, как падал эльдар, но теперь, приглядевшись, он увидел тело, лишь частично покрытое плащом. Игольная винтовка упала отдельно и он видел странно изукрашенное ложе, лежащее среди иссохших побегов. Чужак казался мертвым, но Сот ожидал чего угодно и двигался, держа пистолет наготове.

Сот стоял над телом мертвого разведчика, уставившись на странно струящиеся части чужацкого респиратора. Эльдарские черты заставили его содрогнуться. Дырка в голове существа, прожженная его выстрелом, казалось более естественным глазом, нежели переливающиеся кристаллиновые линзы под ней. Заходящее солнце заставляло неровные скалы отбрасывать сильные тени и, даже мертвый и распростертый у его ног, эльдар был скрыт хамелеолиновым плащом. Полковник посмотрел на четко видимую маску, но лучи солнца заставили линзы сверкать какой-то жизнью и он отвернулся.

Сот знал, что должен вернуться к битве, ярость которой слышал внизу на склоне за скалами. До нее было недалеко и он позволил себе отдохнуть. Он все еще тяжело дышал, но что-то более важное больше беспокоило его, наполняя задворки его разума раздражением, а низ живота - адреналином.

Как разведчик проник за периметр?

Неосознанным привычным движением он поправил спасительный нагрудник и откровение словно бы пришло от металла. Гравитанк! Кто его зачистил? Ужас наполнил его, когда он бежал по склону к тому месту, над которым еще вился дымок. Пыль и мелкие камешки летели у него из-под сапог, когда он осторожно пробирался по щебенке, взрытой танком противника до того, как он врезался в скалу.

«Сокол» явно был подбит. Его развернуло, когда он приложился об склон, а нос сгорел напрочь. Движок, впрочем, был поврежден меньше, так что Сот направился к нему, царапаясь об острые края скал и вдыхая вонь сгоревшей техники.

Люк внутреннего отсека был слегка приоткрыт. Благоразумие диктовало строгую процедуру зачистки, но полковник был один и, к тому же, он подумал, что уже слишком поздно для благоразумия. Он ожидал найти что-то более мерзкое, чем вооруженный и рыщущий эльдар. Встав напротив скалы и приготовив пистолет, он пнул люк.

Ругаясь, он потерял равновесие, когда люк спружинил у него под ногой. Из какой хреноты эти чужаки свои машины делают? Определенно не из тяжелого металла их «Химер»! Однако изнутри никто не напал. Вместо этого он смотрел на обгоревшие и перекрученные тела большинства разведчиков эльдар. Многие все еще были пристегнуты к креслам. Один, вырванный из сиденья бешеными рывками обреченного транспорта, был размазан по стене напротив товарищей. На сей раз взгляд Сота не был прикован к пустым взглядам респираторов чужаков, устремленным на пустые сиденья. Он бешено считал и пересчитывал.

Пять пустых сидений. Одного размазало. Одного он убил... Где-то бродили трое этих уродов. И он знал, куда они направлялись!

Полковник Сот уставился на далекий храм Воды, яростно думая. Трое замаскированных чужацких снайперов! Храм, прикрываемый тяжелыми орудиями гвардейцев на кряже, защищался только отделением ПВО. Основываясь на собственном опыте с чужацким еретиком, Сот не сомневался, что трое оставшихся эльдар с легкостью обойдут или уничтожат ничего не подозревающих гвардейцев. Он должен действовать быстро! Он тут же вызвал Годдиша:

— Насколько сильно давят, капитан?.

— Довольно круто, сэр. — Годдиш сказал это своим обычным жизнерадостным тоном, но Сот знал, что это означало, что гвардейцы под сильным огнем. — Снаряды кончаются, но мы еще держимся.

— Годдиш, я уверен, что наш периметр прорвали трое чужацких разведчиков и что они попытаются проникнуть в храм Воды. Предупреди ракетчиков. Сообщи, что противника очень трудно засечь из-за маскировочных плащей, и что у них бесшумное оружие. Выдели мне троих опытных гвардейцев, я попробую перехватить их. Пусть принесут мне лазружье. Я на гребне над вами, около сбитого гравитанка.

— Есть, сэр! Немедленно вышлю людей.

Сот пораскинул умом, пытаясь придумать эффективный способ борьбы с чужацкими разведчиками. Пока он думал, он выкинул офицерскую кепку и сорвал ленты с грязных обрывков, недавно бывших его парадной формой. Было бессмысленно предоставлять чужацким засранцам лучшую цель. В таком виде и держа стандартное лазружье, он надеялся, что не будет выделяться среди других. Сот не был трусом, но он хотел лично разобраться с чужацким отродьем.

Когда он выпрямился, проверив перевязку на ноге, он заметил людей, посланных Годдишем на подмогу. Они быстро скользили по склону, и, подбежав, отдали честь.

— Сержант Тарсес докладывает, сэр!.

Это был бритый и покрытый шрамами вояка, возглавивший контратаку, спасшую этим днем жизнь Сота. Этим днем! Слово веком назад! Сот был удовлетворен выбором Годдиша. Сержант был крепким бойцом и ветераном нескольких операций против орков. Он был мастером ближнего боя и выделялся белой тканью формы — которую он каким-то образом сохранил более чистой, чем у его товарищей. У Тарсеса была репутация зверя, чему способствовали тяжелые брови, отсутствующее правое ухо и бледный шрам, вьющийся по щеке и подбородку. Но, передавая Соту лазружье, он был спокоен, как на параде.

— Еще капрал Ниббет и гвардеец Соккот, сэр. Гвардеец Соккот вызвался добровольцем, сэр.

Оба вышеназванных отдали честь. Ниббет — еще один ветеран, низкорослый, но такой же жилистый, как сам Сот. В его осанке и движениях чувствовалась спокойная уверенность, даже на крутом склоне, и полковник с интересом заметил значок снайпера на рваном рукаве мундира. Соккот — молодой боец, освободивший Сота из кустов. Он был неопытен, но определенно хорошо показал себя в данной ситуации. В его тонком лице и ярких глазах была какая-то серьезность, когда он отдавал честь. Сот видел такую преданность во многих новобранцах. Он надеялся, что парню не придется дорого заплатить за свою молодость.

Они пошли так быстро, как только позволяла местность, Сот отдавал приказы на ходу. План был, но примерный, такие планы Сот терпеть не мог и часто распекал за них младших офицеров. Слишком многое зависело от судьбы! Но их застал врасплох на параде этот призрачный враг и они были сильно ограничены в вариантах. Даже у Тарсеса не было нормального передатчика общей связи и Сот благоразумно рассудил, что им лучше не разделяться, дабы держать связь.

Годдиш предупредил ракетчиков, и все, что они могли сделать — осторожно продвигаться и надеяться на лучшее. Когда они сошли со склона и ступили на ровное дно впадины, Сот попытался использовать передатчик на запястье, чтобы связаться с гвардейцами в храме, но безуспешно. Солнце скрылось за кряжем и он еле различал храм в угасающем свете. С ракетчиками можно было бы уже связаться даже с помощью передатчиков маленького радиуса действия и полковник боялся худшего. Несколько раз во время спуска ему казалось, что он слышал треск выстрела из лазружья в направлении храма, один раз даже почудился вскрик, но из-за фонового грохота битвы на кряже нельзя было ничего утверждать. Сот знал, что его страхи обоснованы, но где была та грань, за которой должное волнение превращалось в буйное воображение? Он словно смотрел в переливающиеся глаза мертвого снайпера, которого так удачно одолел, и мурашки, не имевшие ничего общего с вечерней прохладой, пробежали у него по спине. Он мрачно отодвинул память в сторону и скомандовал остальным разделиться и ускориться.

На дне впадины земля была ровной и, хотя и была усеяна камнями и кустарником, все же предлагала какое-то укрытие, по сравнению со склонами кряжа. Полковник почувствовал, как его сердце учащенно забилось, когда они вышли на широкую мощеную дорогу, ведущую к храму. Его руки вспотели, а глаза обшаривали каждый камень и каждый куст, когда он приготовился пересечь дорогу. Он себя никогда не чувствовал настолько отвратительно уязвимым. Был ли хоть шанс укрыться от этих враждебных невидимых смертоносцев? Он глянул наверх, туда, где Соккот был готов прикрыть его пробежку, кивнул и побежал. Удары его сапог по камням дороги гремели у него в ушах сильнее грома битвы на кряже, и он с явным облегчением спрятался в дренажной канаве на другом конце дороги.

Он сразу побежал дальше и занял позицию, чтобы прикрыть Ниббета, который следовал за ним, и Соккота с Тарсесом, которые двигались с другой стороны. Остальные немедленно перебежали. Ниббет перебежал через дорогу и прыгнул в канаву со скоростью и легкостью пустынной газели, и Сот взял на заметку, что Годдиша нужно похвалить за подбор людей.

Канавы, вырытые, чтобы нести потоки воды, сопровождавшие непостоянные дожди, предлагали наилучшую возможность незаметно подобраться к храму. Теперь высохшие, их красные камни, нагретые заходящим солнцем, предоставляли хоть какую-то видимость укрытия, чтобы можно было добраться до возвышающихся ближе к храму песчаниковых монументов, воздвигнутых во славу Императора и славных детей Его, дававших лучшее укрытие.

Сот вытер руки о рваный мундир и осторожно побежал по канаве. Внезапно он остановился — впереди что-то негромко рвануло. Сзади все еще доносился постоянный шум битвы на кряже, но взрыв прогремел спереди.

Полковник подумал о тяжелых воротах храма. Подрывной заряд? Теперь он точно знал, что от ракетчиков помощи ждать не приходится. Кем были эти чужаки? Как могли они втроем вырезать целое отделение ПВО так легко и бесшумно? Сот встретился с одним из этих чертей лицом к лицу и точно знал, как.

Он попытался ускориться, но почувствовал себя странно ослабшим. Это была не та война, к которой он

привык, спокойно встречая ужасную мощь орков, встречая их примитивную силу и ярость выдержкой и огневой мощью. Теперь примитивными были он и его гвардейцы. Воспоминание о впечатляющей маскировке мертвого эльдар преследовало Сота, пока он бежал, осматривая скалы на другой стороне. Как мог он надеяться засечь противника? Только везение спасло его до этого. В его животе образовался узел, непохожий на обычный всплеск адреналина перед боем. Сот был ветераном. Трезвый ум, дисциплина и тренировки до сих пор спасали его, но теперь, когда пот бежал под высоким воротником его мундира, первое покалывание страха пробилось сквозь его решимость. Что-то послышалось ему впереди. В ту же секунду он прыгнул в сторону, вскидывая лазружье. Но то был лишь шелест мертвых стеблей, колыхающихся от первых порывов легкого вечернего ветерка. Полковник заставил себя глубоко вдохнуть, успокоиться, прежде чем подавать сигнал Ниббету, следовавшему за ним, что все чисто.

Скоро они добрались до рядов огромных монументов, стоявших по сторонам дороги на последнем отрезке пути до храма. Сот всегда считал огромные фигуры, сделанные в стиле древних пустынных предков луксорийцев, первых колонистов, предвещающими беду. Теперь же, смотря на благородные лики священников, командиров и сановников, он не чувствовал, что эти столпы Империи наблюдают за ним, скорее, они держали на него смутную злобу, не одобряя его неопрятный облик и учащенное сердцебиение.

Он остановился около большой стилизованной ноги изваяния командира Адептус Астартес, который первым ступил на эту планету во имя Императора. Вечерний ветерок подул сильнее, и, когда он взъерошил волосы Сота и высушил его пот, тот успокоился. Что бы сделал тот древний командир на его месте? Вряд ли бы он крался по канавам! Сот внезапно представил себе космического десантника, пытающегося поместиться в канаве в своей силовой броне и, что странно, это развеселило его. Он улыбнулся своим мыслям. В конце концов, разве не тихое приближение с легким вооружением, которым он владел в совершенстве, было тактикой его предков на его родной планете? Теперь эта земля была под его защитой и он сразится с этими чертями! Обычай будет, должен быть, поддержан.

Он командовал людям продвигаться и вскоре они достигли места, где канава сворачивала, огибая храм. Он все еще чувствовал себя уязвимым, все еще был напряжен, но облегчение, которое он почувствовал около статуи, еще окончательно не выветрилось. У них был план, пусть и сырой. Они находились у заднего фасада храма, напротив единственного входа. Против них было, вероятно, только три вражеских разведчика. Был шанс, что они смогут прорваться к воротам храма. У каждого из них был свой долг и своя роль и, для Сота, долг и ясная роль были священны.

Он был особенно осторожен, занимая свою позицию, выбираясь из канавы в тени другой огромной статуи. Он, впрочем, был спокойнее, руки не были мокры от пота. Он глянул вправо и увидел Ниббета, тихо занявшего свое место. Впереди, через задний двор, возвышались из глубокого мрака восьмиугольные колонны храмового портика. Он предсказуемо не видел следов врага, но напрягся, когда заметил ужасное свидетельство их действий. На широких ступенях портика лежал один из ракетчиков, прислонившись к большой песчанниковой колонне. В других обстоятельствах, его можно было бы принять за спящего, но Сот знал истину. Чужаки добрались до храма. Но где они были?

Полковник обнаружил, что его кулаки сжались, когда он ждал, пока Соккот перебежит к портику, как было запланировано. Молодой боец сам вызвался бежать первым и Сот не видел причин отказать. Соккот сам сказал, с пылающими рвением глазами, что он был самым неопытным и отличным пушечным мясом для приманки чужаков, чтобы те обнаружили себя. Он, конечно же, был прав и полковник подумал, не было ли это на уме у Годдиша, когда он посылал новобранца. Но времени на

такие печальные раздумья не было.

Тихий шорох катящихся камешков заставил Сота обернуться, чтобы увидеть, как Соккот выбирается из канавы на другой стороне дороги и бежит к колоннам. Парень бежал быстро и когда он уже почти добрался до ступеней, он словно бы споткнулся и в следующую секунду уже лежал лицом вниз, только маленькое облачко пыли вздымалось, да удар лазружья о землю служил коротким росчерком его судьбы. Сам Соккот не издал ни звука. И ни следа чужацкого снайпера...

Чувство беспомощности вернулось к Соту, когда он вглядывался в тени между колоннами. Ни следа! Он обследовал каждый участок крыши. Ни следа! Их следующим, запланированным на случай, если черный ход охраняют, действием было выждать пять минут и бежать с трех различных направлений. Полковник глянул направо, чтобы убедиться, что Ниббет выдвигается, вылезает из канавы, готовый к рывку, но коренастый коротышка прижался к стенке, стоя на дне канавы. Он отчаянно махал Соту, чтобы тот присоединился к нему. Несмотря на свое любопытство, Сот заставил себя спуститься с величайшей осторожностью и, пробираясь в тени стены, не издал ни звука, прежде чем оказался рядом с гвардейцем. Ниббет быстро и четко прошептал: — — Чужак не на крыше. Он у последней колонны на той стороне.

— Где? Ты его видишь?.

— Нет.

— Но... откуда ты тогда знаешь?.

— Я бы там засел.

Ниббет говорил очень спокойно и слегка пожал плечами, как бы подчеркивая свой значок снайпера. Он продолжил:

— Крыша слишком низкая, чтобы был достойный вид и так выстрелить с нее нельзя. В призрачном костюме он может просто стоять у угловой колонны и простреливать оба пути. Он с той стороны, потому что Соккот почти добежал, когда он наконец смог гарантированно уложить его. — Гвардеец быстро глянул на наручные часы, прежде чем встретиться взглядом с командиром. — Когда наступит время для рывка, сэр, пусть Тарсес бежит один. Сержант сильно рискует, но если будем просматривать дальнюю колонну, у нас будет лучший шанс прихлопнуть засранца.

Сот мысленно вернулся к тому моменту, когда Соккот спас его жизнь. Молодому гвардейцу помогла контраатака, ведомая великаном-сержантом, который и сейчас занимал позицию на другую сторону портика. Один из спасителей полковника уже погиб. Другой тоже умрет? Умрет, атакуя в одиночку, без ожидаемой поддержки? Все это пронеслось в голове командира, но в конце концов он сказал, смотря на собственные часы:

— Отлично. По местам, живо!

Так быстро, как только позволяла осторожность, он вернулся на свою позицию, ожидая тихой смерти после каждого движения. Он устоял на последнюю колонну и почти тут же услышал громоподобный клич вылезшего из канавы Тарсеса. На колонне дернулась тень и Сот услышал треск лазружья позади него, несмотря на то, что выстрелил и сам. Он выстрелил еще дважды, но Ниббет уже вылез из канавы и направлялся к портику. Секунду спустя Сот тоже выпрыгнул из канавы и двое вместе добежали до колонн. Когда они зашли в тень, они увидели Тарсеса, вытаскивающего штык из дохлого эльдар. Он глянул вверх, только длинный бледный шрам виднелся в темноте на темной коже. Он не задавал

вопросов, не бранился и не удивлялся, его тихое «Сэр?» было лишь запросом приказов.

Сот времени не терял.

— Ниббет, в дальний конец. Тарсес со мной, по этой стороне.

Маленький силуэт Ниббета бесшумно растворился в сумраке портика, пока Сот крался у стены, а сержант перебежал от колонны к колонне. Двое мерзких чужацких разведчиков мертвы, еще с двумя осталось разобраться. Один, очевидно, был перед храмом. Смогут ли они засечь и этого чужака? Полковник двигался быстро, но держался стены. Укрытая тенью портика, она не нагрелась за день и охлаждала его, когда он касался ее. Она давала ощущение безопасности даже если, как мрачно отметил Сот, это было чистой воды иллюзией.

Когда они добрались до внешнего двора храма, они стали продвигаться куда осторожнее. Сот обошел угловую колонну, а Тарсес шел по ступеням. Было тихо, только ветер тихо шелестел иголками на плитах двора.

Тарсес умер так быстро, что его командир едва заметил это. Полковник услышал легкий свист, а затем — шлепки, когда тело сержанта падало на ступени. У Сота сердце ушло в пятки, он вжался в колонну и замер.

Где был этот урод? Он не смел шевельнуться и, прижавшись к холодному камню, уставился на сияющие ворота храма. Одну створку взорвали каким-то чужацким зарядом, удивительно аккуратная дыра была пробита насквозь. Вторая оставалась неповрежденной, сияя как прежде, отражая тот слабый свет, что еще оставался. Сот удивился, насколько отличное зеркало она собой представляла и, внезапно обнадеженный, стал высматривать в ней чужака.

Но он ничего не видел, кроме листьев, шуршащих по камням от ветра. Они летали неспешно, еле перемещались, внезапно врезаясь в основание колонны или... Почему эти листья остановились, когда другие, совсем рядом, нет? Там же не было камня, чтобы остановить их!

Сердце полковника пропустило удар. Должно быть, это эльдарский подонок! Он уставился в отражение, отчаянно пытаясь найти хоть намек на очертания призрачного силуэта, который он видел на склоне, когда разбирался с первым разведчиком. В отражении ничего не было видно, но он примерно знал, где засел противник. Став холоднее камня у него за спиной, Сот понял, что, в свою очередь, эльдар точно знал, где находится он! Даже сейчас противник, возможно, изучает его, ожидая движения.

Командир никогда не чувствовал себя таким беспомощным, но тугой узел страха внизу живота затвердел до состояния сжатой массы гнева. Он должен был попытать удачи. Возможно, его попытка отвлечет чужака достаточно, чтобы Ниббет смог его замочить. Он посмотрел на отражение и приготовился к рывку. Обычно не религиозный, Сот сам удивился тому, что мысленно повторяет молитву Императору, вспомнившуюся с детства — и затем прыгнул. Развернувшись, он выстрелил веером, треск выстрелов дико метался среди камней, а злые красные лезвия разрезали сумрак. Послышался стук падающего оружия.

Изумленный Сот осознал, что был все еще жив и что, как он видел, распростершись на плитах, его враг был мертв. Он выстрелил еще раз в голову упавшего чужака и, когда затихло эхо, позвал Ниббета. Ответа не было.

Где был последний разведчик? Далеко в храме или, встревоженный шумом, уже спешил сюда, чтобы выследить их? И где был Ниббет? Полковник снова раздраженно вздохнул, когда поднялся. Раздражение

исчезло, как только он вышел из-за колонны и увидел тело Ниббета. Солдат лежал лицом вниз, накрыв собой лазружье. Именно он, а не Сот, отвлек чужака в решающую секунду. Полковник резко развернулся на каблуках и нырнул в дыру в створке храмовых врат.

Оказавшись внутри, Сот тут же прыгнул в укрытие за одним из двух рядов колонн, таких же, как и снаружи. Ему потребовалась секунда, чтобы привыкнуть к освещению, весьма отличавшемуся от сумерек портика. Не яркие, а тихие лампы, аккуратно спрятанные среди орнаментов на высоких стенах, нежно светились. Пол длинного зала, составлявшего большую часть храма и казавшегося совершенно пустым, был покрыт такими же старыми песчаниковыми плитами, как и снаружи.

Сот осторожно осмотрел зал. Пустое помещение, мебели нет, только колонны мешают обзору. Даже орнаменты казались естественной частью камня. Казалось, что все чисто, и он побежал к концу зала, где, как он знал, был вестибюль, из которого лестница вела как в зал управления ирригационной системой, так и в кельи священников. Он чувствовал любопытную уверенность. Ему всегда нравилось это здание, не из-за какой-то духовности, а из-за отсутствия показухи и принадлежности к Имперской дисциплине, столь дорогой ему, с неясным прошлым пустынных его планеты. Если уж ему довелось встретить такого опасного врага, как эти чужаки, так это было прекрасное поле боя.

То, что ему придется столкнуться с третьим эльдар, стало ясным, когда он добрался до вестибюля. Дверь была выбита, а откуда-то снизу доносились звуки борьбы. Он ускорился, все еще пытаясь передвигаться максимально тихо.

Ступеньки были старые и крутые, но свет стал ярче, и Сот перепрыгивал через одну. На маленькой площадке, один проем, с закрытой древней деревянной дверью, вел в помещения священников. Другой, с открытой настежь современной стальной дверью, вел в зал управления. С лазружьем наготове полковник забежал внутрь. Он мгновенно вник в суть сцены.

Священник, Ярендар, очевидно, застал врасплох чужака, пытавшегося разобраться в системе управления. Теперь они боролись друг с другом. Пластичный эльдар был придавлен к шкафу массивным священником, который спиной закрывал чужака и не давал Соту выстрелить, пытавшимся раздавить противника. Священник был силен, но бойцом не был, и как раз когда вошел Сот, мерзкий чужацкий еретик ухитрился вытащить свой лазпистолет и выстрелить. Священник умер, хрипя, выстрел разорвал ему грудную клетку. Его тело закрыло чужака и Сот уловил лишь мелькание поднимаемого пистолета и жуткие линзы, похожие на драгоценные камни, прежде чем еще раз вспыхнул лазерный огонь и мир погрузился во тьму.

Сот не был уверен насчет того, сколько он пробыл без сознания. Не дольше нескольких секунд, поскольку, когда он с болью смог чувствовать, чужак все еще работал с управляющими системами. Его грудь казалась скопищем обжигающей агонии и он наблюдал за работающим эльдар затуманенным взором. Чужак был высоким, но пластичным, и, даже в мельчайших движениях, когда он перемещал какой-то сияющий кристалл над панелью управления, была нечеловеческая грация. Эффект чужеродности усиливал хамелеолиновый плащ, который даже в ярко освещенном зале управления размывал его силуэт.

Мысли Сота были столь же затуманены, как и его взгляд. Ему чудилось тело Ниббета, лежащее рядом с телом священника. Они с Соккотом и Тарсесом умерли только чтобы он проиграл? Он должен попробовать дотянуться до лазружья. Оно было совсем рядом. Сможет ли он поднять его, не вспугнув

противника? Жуткое видение лица первого чужака, убитого им, третий глаз раны на лбу, спроецировалось на затылок работающего разведчика. Оно наблюдало за ним, пытающимся пошевелиться. Он ругнулся, закрыл глаза и попытался сосредоточиться, изгнать видения из разума.

Корчась от боли, полковник напрягся и попытался пошевелиться. Единственное, чего он добился — еще больше боли где-то под ребрами и невольный вздох. Чужак развернулся, странный кристалл еще сиял, вскинул лазпистолет грациозным движением. Сот беспомощно уставился в переливающиеся линзы безликой маски, когда существо подходило к нему, направив свое оружие. Оно помедлило и, одним движением изящных сапог откинув лазружье Сота, вернулось к панели управления.

Сот дрожал от боли и гнева, но ничего не мог поделать. Его голова упала, словно отплывая от тела на волне боли, а зрение еще ухудшилось. Он был уверен, что видит призрак Соккота, подкрадывающийся к чужаку сзади. Он хотел крикнуть юнцу, что все напрасно, что чужаки — призраки и что победить их невозможно.

Его губы задрожали, но он не издал ни звука. Дух Соккота почти дошел до эльдар и уже поднял лазружье, чтобы вырубить разведчика. Полковник уставился на наваждение, его зыбкий мир был на грани между сном и реальностью. Почему этот призрак несет не то оружие? Надо урегулировать вопрос!

Но где-то на глубоких, рациональных уровнях сознания, Сот понимал, что это был не дух Соккота, а послушник храма, о котором раньше говорил Ярендар, мелкая деталька замысла Императора. А оружием было не лазружье, а подсвечник. Подсвечник опустился на голову эльдар в ту же секунду, что и тьма на полковника.

На сей раз отключка длилась дольше и, когда Сот очнулся, его несли по лестнице. Голова раскалывалась. Его душа неслась к Императору? Сверху на него глянул кто-то, бледный в ярком свете. Сот опознал инсигнию на воротнике. Значок гвардейского медика.

Полковник моргнул и шевельнул губами, пытаясь сказать что-то. Медик, явно обеспокоенный, решительно сказал ему: «Не пытайтесь говорить, сэр. Вы сильно ранены, но мы Вас поставим на ноги. Противника отбросили. Подкрепления подошли и капитан Годдиш занимается организацией зачистки».

Сот слабо качнул головой. Боль была ужасной, но он чувствовал, что должен это сказать. Он снова шевельнул губами, но теперь слабый сипящий голос был слышен: «Предупреди его!».

— Предупредить кого, сэр? — нахмурился непонимающий медик.

— Предупреди Годдиша. Скажи... скажи, чтобы следил за мелкими частями. Скажи, что мелкие шестеренки решают.

Медик посмотрел на своего товарища, поднимавшего верх носилок.

— Думаю, полковник бредит.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Мелкие_шестеренки/_Small_Cogs_\(рассказ\)&oldid=11960](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Мелкие_шестеренки/_Small_Cogs_(рассказ)&oldid=11960)